

Научная статья

УДК 130.2; 168.522

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-45-57

У ИСТОКОВ ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКИ

Прядко И. П.

*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
г. Москва, Российская Федерация,*

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.09.2024

После доработки 20.12.2024

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация

Цель. Выявить предпосылки и отправные идеи, которые позволили русскому учёному Н. А. Васильеву разработать одну из первых систем логической многозначности – *воображаемую логику*. Обосновать тезис о поэтических идеях казанского мыслителя как об эвристических подсказках, позволивших преодолеть инерцию традиционной логики и приспособить её нуждам и требованиям познания.

Процедура и методы. В основе работы – индуктивное обобщение фактов истории и культуры, сравнительно-исторический метод, общенаучный метод синтеза и анализа, биографический принцип, принцип трансцендентального единства сознания личности.

Результаты. В ходе исследования удалось определить место, занимаемое поэтическим творчеством в становлении логической и социально-философской концепции Н. А. Васильева. Обращение к поэзии позволило обнаружить истоки социальных и логико-философских взглядов Васильева. Символизм, будучи системой поэтического мышления, сформировал идеи, подтолкнувшие Васильева к созданию первой в истории неклассической многозначной системы логического исчисления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сделанные в статье выводы позволяют понять истоки логических открытий Н. А. Васильева, уточнить детали его творческой биографии.

Ключевые слова: воображаемая логика, поэтическое творчество, символизм, эвристические подсказки

Для цитирования:

Прядко И. П. У истоков воображаемой логики // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 45–57. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-45-57>.

Original research article

THE ORIGIN OF IMAGINARY LOGIC

I. Pryadko

*Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow, Russian Federation,
Russian State Social University, Moscow, Russian Federation*

e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

Received by the editorial office 11.09.2024

Revised by the author 20.12.2024

Accepted for publication 27.02.2025

Abstract

Aim. To identify prerequisites and background ideas that allowed the Russian scientist N. A. Vasiliev to develop one of the first systems of classical polysemy known as *imaginary logic* and to justify the poetic ideas of the Kazan thinker as heuristic clues that allowed overcoming the inertia of traditional logic and adapt it to the needs and requirements of cognition.

Methodology. The study is based on the inductive generalization of facts of history and culture, the comparative historical method, general scientific methods of synthesis and analysis, the biographical principle, and the principle of transcendental unity of consciousness of an individual.

Results. The author identified the position of poetic creativity in the formation of N. A. Vasiliev's logical and socio-philosophical concept. The appeal to poetry allowed discovering the origin of social and philosophical views of Vasiliev. Symbolism, being a system of poetic thinking, is behind the ideas that urged Vasiliev to create the first non-classical multivalued numerical system.

Research implications. Conclusions drawn in the article allow understanding the origin of N. A. Vasiliev's discoveries and clarifying his creative biography.

Keywords: imaginary logic, poetic creativity, symbolism, heuristic clues

For citation:

Pryadko, I. (2025). The Origin of Imaginary Logic. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 45–57. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-2-45-57>.

Введение

Проблема возникновения принципиально новых революционных идей в логике – одна из центральных для истории данной науки. Учитывая социальные корни научного исследования, различные авторы стараются определить, что представляет собой питательная среда, которая способствует вызреванию смелых, ломающих существующие научные парадигмы теорий, что при этом подводит мыслителей-новаторов к их прорывным открытиям.

Ставится задача определить механизм, благодаря которому человек науки, усомнившись в истинности господствующих представлений, совершает радикальный переворот в ней, вооружает последнюю более надёжными, в сравнении с существующими, инструментами поиска истины. Наиболее популярные на этот счёт учения, разработанные такими классиками философии науки, как К. Поппер или И. Лакатос, не всегда дают исчерпывающий ответ на данный вопрос, т. к. в центре их подходов находится коллективный субъект исследовательской деятельности, а не отдельный индивид. Историк науки В. А. Бажанов в данной связи рассуждает об эвристических подсказках, стимули-

рующих творчество отдельных учёных и позволяющих им находить новые подходы, укрепляя собственную уверенность в выполнении поставленных исследовательских задач. Если речь идёт о новаторских открытиях и научных прозрениях Н. А. Васильева – одного из незаурядных логиков начала XX в., создателя первой в истории данной науки неклассической системы исчисления, то можно в качестве примеров эвристических подсказок, послуживших ему толчком к поиску неклассических теорий, привести выводы Ч. Пирса, современные Васильеву психологические учения, логико-философские положения, почерпнутые в трудах И. И. Лапшина, М. И. Владиславлева и А. И. Введенского, выводы представителей немецкой философии: диалектику Гегеля, логику Канта и особенно его последователя В. Круга [1, с. 43–45]. В естествознании же такими подсказками могли быть идеи Ч. Дарвина об эволюции органического мира на основе изменчивости и наследственности¹.

Широта научных, а равно и литературных интересов казанского мыслителя нахо-

¹ Васильев Н. Значение Дарвина в философии. К 100-летию со дня рождения // Камско-волжская речь. 1909. 30 янв.

дит отражение в его дневнике, доступ к которому имеют биографы учёного. Согласно свидетельству В. А. Бажанова, в дневнике содержатся «штудии Рибо и Вундта, ... философские размышления и максимы житейской мудрости, описание исторической литературы, анализ художественных произведений, раздумья над судьбами деятелей науки и политики» [2, с. 73]. Страницы дневника касаются биографий Линкольна, Галилея, Абеляра, Гёте, Пушкина и Данте. Малоизвестным направлением творчества учёного была поэзия. Так, принадлежащий перу Васильева сонет, который будет среди других поэтических произведений рассмотрен в настоящей статье, посвящён Спинозе, модусам его субстанции. Данное стихотворение, как и другие поэтические опыты казанского учёного, ещё не подвергалось детальному анализу историками логики и литературоведами, и это будет сделано впервые в настоящей статье.

Если принимать во внимание не только собственно философско-логическую, наиболее важную часть научного наследия казанского мыслителя, но и его ранние поэтические произведения, то круг эвристических подсказок, о которых речь шла выше, придётся расширить. Это несомненно привлечёт внимание к значимым для истории логики фактам биографии героя настоящей статьи, позволит оценить глубину, сложность, а порой и неоднозначность его историософской, логической и логико-философской концепции. Биограф казанского учёного Бажанов исходит из убеждения, что на мысль о существовании логики, отличающейся от классической, Васильева навели в том числе и образцы поэтического символизма¹ [3, с. 221–224], ведь казанский логик не только был знаком с поэтикой Серебряного века, но и сам создавал в стихах своих образный ряд, который отвечал ключевым моментам символизма как направления поэзии и как специфической философии культуры конца XIX – начала XX вв. [4, с. 377–383].

¹ Иванова Е. В. Серебряный век // Словарь течений литературы XX в.: в 2 т. Т. 2. М.: Река времён, 2023. С. 339–341.

Поэтический строй юношеских стихотворений мыслителя был вполне *символистским*, отвечающим установкам данного направления поэзии Серебряного века.

К тому же для Васильева художественные интуиции его ранних поэтических творений, не всегда совершенных по форме, были отправной точкой научного поиска – в психологии, в историософии (Васильев известен как автор работы по истории позднеантичного Рима [5]), в социальных науках. Но прежде всего в той области, которая связана с обнаружением эффективных методов познания *сущего* – в неклассической силлогистике, называемой Васильевым *воображаемой логикой*. Во всех проявлениях многогранного таланта Николай Александрович стремился осуществить синтез рационального и интуитивного, отвлечённой метафизики и эмпирико-научного подхода. А такой синтез роднит ранние опыты учёного с другими примерами философски ориентированной поэзии Серебряного века и – как мы покажем ниже – с концепциями европейских философов и логиков более ранних эпох.

Структура, источники и задачи работы

Будучи ограничен форматом статьи, автор остановится на умозрительных интуициях, которые в конечном итоге повлияли на формирование логико-философских взглядов казанского учёного. Для этого автор счёл необходимым обратиться к поэтическому творчеству Васильева. Задачи выявления теоретико-философских предпосылок логических открытий Николая Александровича определили структуру настоящей работы. В первой её части анализируются некоторые элементы поэтического творчества Н. А. Васильева в целом, даётся его общая характеристика.

Во второй части разобраны конкретные примеры – стихотворения, в которых находят отражение философские интуиции казанского мыслителя. Автору этих строк представляется, что сонет Васильева о Спинозе, разбор которого будет представлен ниже, есть изображение действитель-

ности в свете вневременности и всепротянутости субстанции, объемлющей мир и всё то, что выражается через её, т. е. субстанции, модусы. Об этой субстанции рассуждал Спиноза, а философские интуиции нидерландского мыслителя развивали его последователи. Метафизика Спинозы созвучна логическому подходу Васильева: ведь включающая разные противоречащие атрибуты субстанция – объект, о котором можно рассуждать в терминах воображаемой логики, дающей нам возможность мыслить и вычислять противоречие.

Работа опирается на выводы таких историков науки XX–XXI вв., как В. А. Бажанов, Б. В. Бирюков, В. Н. Тростников, В. А. Калинин и ряд других.

В настоящем исследовании автором решаются следующие задачи:

1. Определить, какие мотивы в поэтическом творчестве Н. А. Васильева выступают в качестве основных.

2. Выяснить, в какой связи находятся философские идеи, вдохновившие Васильева на создание его стихов, с одной стороны, и появившаяся в дальнейшем система логической неклассичности, названная мыслителем *воображаемой логикой*, – с другой.

3. Поставить вопрос о соотношении литературных образов Васильева с системой поэтических представлений, свойственных современному казанскому учёному художнику слова.

Материалы, методы и принципы изучения

В настоящем разделе обозначим материалы, на которые ссылается работа, перечислим применяемые методы и принципы изучения. В центре нашего исследования находится поэтическое наследие отечественного логика. При жизни учёного свет увидел единственный сборник стихотворений «Тоска по вечности»¹. Из работ биографа Васильева мы узнаём о неопубликованных переводах поэтических произведений западных и античных авторов. К перечислен-

ным публикациям мы должны добавить выполненные Н. А. Васильевым переводы стихотворений Э. Верхарна и Ч. Суинберна. Данные переводы вышли отдельными изданиями соответственно в 1907 и в 1909 гг. и сопровождались предисловиями, написанными самим Николаем Александровичем². В этих предисловиях Васильев проявил себя не только как тонкий знаток поэзии, но и как исследователь политических реалий, определивших содержание и направленность текстов переводимых поэтов. Здесь также проявился талант Васильева как теоретика литературы, наделённого незаурядным эстетическим вкусом и историософской проницательностью.

Автор настоящей статьи убеждён, что литературное и в первую очередь поэтическое творчество казанского мыслителя, предшествовавшее научному поиску, даёт возможность понять мотивы его деятельности как исследователя в области логики и методологии науки. Корпус васильевских стихотворений и переводов позволяет определить исходные принципы научного поиска.

В статье нашёл применение биографический метод анализа и интерпретации творчества изучаемого мыслителя, который автор настоящей статьи сочетает с методом трансцендентального единства самосознания.

Первый названный метод – *биографический* – позволяет пролить свет на выбор тем, связать сюжеты литературных произведений с фактами биографии художника и исследователя. Изучая биографию учёного (и Н. А. Васильев здесь не исключение), необходимо исходить из мысли о единстве его работ и обстоятельств жизни. Трансцендентальный метод, в свою очередь, даёт возможность рассматривать творчество философа, логика-новатора как целостный феномен. Органическая целостность мирозерцания Васильева давала о себе знать во все периоды его жизни при поэтапном и глубоком философском и идейно-политическом эволюционирова-

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. 156 с.

² Верхарн Э. Обезумевшие деревни. Казань: Изд. Казанского комитета помощи голодающим, 1907. 95 с.; Суинберн Ч. Переводы из Ч. О. Суинберна // Творчество. Казань: Тип. И. Перова, 1909. С. 121–148.

нии мыслителя. Объединяя два указанных подхода, мы сможем определить, как соотносятся идеи Васильева и те философемы, которые были популярны в интеллектуальном пространстве российской науки в начале XX в. К числу таких философем мы отнесём концепцию *causa sui* Спинозы, его учение о единстве противоположных начал, диалектику Гегеля, *музыку сфер* Пифагора и некоторые другие концепции [6, с. 289–303].

Оба используемых нами метода служат пониманию творчества Васильева, для чего и предпринимается исследование мировоззрения казанского учёного. Обсуждаемые нами принципы познания литературно-художественного наследия уже использовались историками философии, в частности Л. А. Калининковым в целях анализа кантианских мотивов в одной из баллад В. Брюсова. Биографический метод преобладает в исследовании В. А. Бажанова. Продуктивность совмещения этих подходов будет проверена на материале поэзии Н. А. Васильева.

Характер поэтического творчества Васильева: поэзия как форма постижения сущего

Определим тематическую область, к которой мы могли бы отнести литературные опыты казанского учёного. Его стихотворения – философские, поскольку направлены на осмысление мира, или лучше сказать – миров, определение их свойств, их сущностных аспектов. Исторические события – античная история, Французская революция, современность – в рифмованных Васильевым строках раскрываются в аспекте вечных проблем, стоящих перед человеком и обществом, как вехи движения к идеалу и единству.

Оговоримся, что поэтическое творчество Васильева, ставшее объектом изучения в настоящей работе, не является той сферой, в которой казанский мыслитель достиг значительного успеха. Сам корпус поэтических сочинений казанского логика вряд ли заинтересует историка отечествен-

ной литературы Серебряного века, теоретика литературы или литературного критика. Литературные опыты Васильева – факт его индивидуальной биографии, они интересны только потому, что это стихи новатора-логика, незаурядного создателя системы логической многозначности. Мысль в васильевских стихотворениях превалирует над словом, содержание – над формой. Видно, что внутренний смысл для автора важнее порядка изложения. Отсюда, быть может, и проистекают стилистические огрехи, которые отчасти нивелируются высоким уровнем искренности.

И действительно, стихотворения Васильева разнообразны по стилю, тематике и особенностям изложения материала. Да и по качеству, полноте и поэтической точности выражения они не равноценны. Небольшое количество стихов, вошедших в сборник «Тоска по вечности», наполнены мыслительными отсылками и реминисценциями, связанными с историко-философскими сюжетами. Нередко в своих поэтических опытах Васильев отталкивается от частных фактов биографии мыслителей прошлого и исторических деятелей, от формулируемых ими подходов и концептуальных схем.

Характерным для поэтических опытов Васильева представляется упомянутый во введении нашей статьи сонет «Спиноза», в котором исторический момент рассмотрен с трёх ракурсов. Во-первых, большой торговый город Амстердам, живущий внешней жизнью и незамечающий существования уединённого мыслителя. Во-вторых, тихая охота пауков, расставивших сети в углу мастерской Спинозы. И в-третьих, мир идей великого рационалиста, работа, которая происходит в сознании учёного и философа. Но и мастерская, и паук в углу мастерской – это уровни реальности мира, обыденность, за пределы которой устремлена мысль учёного:

Весь Амстердам кипит весельем и наживой
Движенье, говор, шум и пряностей тюки
На чердаке Спиноза делает очки
И Бога создаёт душой неторопливой.

В минуту страшную непрошенной тоски
Он смотрит с радостью внезапной и игривой,
Как, сеть в углу соткав работой терпеливой,
Охотятся на мух большие пауки¹.

Во второй части сонета мыслитель говорит о соотношении мира отвлечённых начал, в который погружено сознание амстердамского мыслителя, «пленительного» мира Субстанции (т. е. Бога) и контрастирующей ему прозы повседневной жизни:

То Бога модусы друг друга истребляют,
И тают в вечности, как пена у реки,
А мысли мудреца пленительно порхают,
От мух и пауков, от жизни далеки
Необходимости властительные звенья
Царят над миром страсти, власти и стремленья².

При этом даже низменное и обыденное становится отправной точкой для творческих озарений метафизика. Какой же из миров реальный, а какой эфемерный (воображаемый)? Вопрос, на который мы не находим ответа в сонете Васильева. Вместо этого мы отмечаем, что учёный затрагивает устойчивую традицию отвлечённой мысли Возрождения и Нового времени. Так, преодоление различия и противоречия имеет место в метафизическом учении Н. Кузанского, в фрагментах книг Джордано Бруно (напр., «О тройном, наименьшем и мере», «О причине, начале и Едином»). В данных фрагментах итальянский учёный рассуждает о Едином, в котором происходит соединение противоположных начал. Все эти учения, предвосхитившие отдельные философские интуиции Спинозы, можно отнести к источникам воображаемой логики, созданной казанским мыслителем в XX в. Так, в работе «Об учёном незнании» богослов из Куз подчёркивает единство равенства и неравенства, тождества и различия. Изначальна и первична связь разрозненных элементов, единство их и единственность. Но связью, точнее, её причиной

выступает различие, значит различие уже заложено в единстве.

Об этом же единстве говорит и сам Спиноза, определяя Бога-субстанцию как общую причину всех разнородных вещей [7, с. 61–62]. А главное, из-за протяжённости данной Субстанции мы в ней не встречаем резких граней, всюду перед нами переходы, причём число этих переходов бесконечно. Субстанция всеохватна и вбирает в себя противоположные свойства.

Такое единение нетождественных друг другу свойств, характеристик предметов получает развитие в позднейших системах. Выводы же Спинозы в числе других философских подсказок были, видимо, учтены Н. А. Васильевым при создании его логико-философского учения. Как и в логике Васильева – в предлагаемой им классификации суждений присутствует трёхкачественность, – так и в философских учениях, предшествовавших умозрительным парадигмам Нового времени, присутствует представление о троичности некоторого первоначального единства. В упомянутой выше книге «Об учёном незнании» Кузанец обращается к истокам философии, отмечая при этом: «Пифагор ... говорил, что единство (почитаемое как тождество. – И. П.) троично» [8, с. 58]. И далее Николай из Куз вспоминает пифагорейское учение о предвечной единице (единстве) как причине связи, о двоице – причине разделения [8, с. 59] и связи самой по себе – третьей компоненте, порождённой разделением и одновременно стремлением восстановить разрушенную целостность. «Это, – подчёркивает Николай Кузанский, – и есть то триединство, поклоняться которому учил Пифагор» [8, с. 59]. А возобновление-возрождение досократической мудрости, которая выбиралась как наиболее ценная в наследии древних, происходит как раз у представителей рационализма. Яркий образ одного из них создал в своём стихотворении Н. А. Васильев. Идея, что рациональная мысль может выражать противоречащие вещи зараз, видимо, обратила на себя внимание Николая Александровича уже в тот период, когда

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 136.

² Там же.

идея реформы классической логики у него только вызревала. Ярким свидетельством этого выступает приведённое выше стихотворение.

В этом *историко-философском* стихотворении Васильева также просматривается то, что историки поэзии Серебряного века определяют как специфический тип метафизического дуализма [9, с. 257], свойственный произведениям многих литераторов-символистов. Данный дуализм трактуется как отделение видимых нами явлений (в сонете – это бытовые подробности жизни Спинозы) от некоторой высшей духовной реальности, проявляющейся в нашем мире в виде едва уловимых потусторонних смыслов.

Таким образом, идеи, которые передаёт в своём научном и поэтическом творчестве Васильев, имеют длительную предысторию и уходят корнями как в европейскую философию Нового времени, так и в более раннюю традицию античного и средневекового любомудрия.

Научное наследие как импринтинг. Ещё о философских предшественниках Н. А. Васильева

Попытаемся определить, в чём состоял смысл обращения казанского логика к античным и средневековым сюжетам. Следует предполагать, что цель Васильева, в ту пору ещё молодого поэта, как в разбираемых в настоящей статье стихах, так и в некоторых других произведениях цикла «Тоска по вечности» – запечатлеть универсальный эффект научного познания, где на выходе всё многообразие умопостигаемого и материального сосредотачивается в единстве всего – всеединстве. По меткому выражению И. И. Лапшина, «ум математика, историка, натуралиста в процессе творчества радостно предвосхищает ту конечную формулу, в которой должно сосредоточиться познание всего бесконечного многообразия мира» [10, с. 51–52]. У казанского исследователя такие предвосхищения находили отражение в его поэзии, литературной критике, научной публицистике, в исторических трудах, пред-

шествовавших его открытиям в области логики. Можно в известном смысле солидаризироваться с выводами В. А. Бажанова, что философские идеи прошлого (Валентин Александрович здесь упоминает главным образом логические идеи Ч. Пирса) явились своего рода *импринтингом*, впоследствии облегчившим рождение идей воображаемой логики [11]. Таким импринтингом, по убеждению автора настоящей статьи, стали элементы философского учения Спинозы, Платона, Пифагора, Аристотеля, показанные средствами поэзии, а затем нашедшие детальную и вполне научную проработку в логических статьях учёного из Казани. Не менее значимы для Васильева мысли о социальных противоречиях, средокрестьем которых был индустриальный город и вообще – уклад индустриального общества. Данный уклад, как это будет показано ниже, казанский поэт оценивал критически.

Символизм и музыкальная стихия

В качестве одной из интуиций символизма, которая характерна и для творчества Н. А. Васильева, выступает идея музыкальности мира. Согласно убеждению ряда символистов, основа мира сверхрациональна, *до-логосна* и может быть выражена не через слово, а через музыкальные созвучия. Критерием принятия или неприятия явления выступает его – этого явления – музыкальность.

Тема музыки мира, невыразимой словами, нередко возникает и у Васильева, о чём свидетельствуют фрагменты стихотворений, приводимые В. А. Бажановым в написанной им биографии казанского логика.

Взгляды, выраженные в стихах Васильева, созвучны содержанию произведений поэтов и философов Серебряного века. Так и для Блока музыка есть воспринимаемое органами слуха проявление сущностных характеристик окружающего мира, принцип, определяющий характер всего мироустройства, порядок и ритм, лежащий в основе происходящих в мире изменений. Этот ритм, эти *шаги* слышал В. В. Розанов, называвший мир *шестви-*

ем¹. А ещё раньше о грандиозной симфонии музыкальных сфер рассуждали античные мыслители. Музыка есть объективный закон, лежащий в основании Вселенной. Аналогично и Васильев через постижение музыкальной гармонии, через погружение в ритм приходит к мысли о необходимости определить рациональные основы мира, найти принципы, раскрывающие законы бытия. Ключом к познанию позже и станет *воображаемая логика*. Приведём музыкальные фрагменты стихотворений Васильева:

И философия стремится
Мир, как симфонию познать,
В его гармонию излиться,
Его *andante* разгадать.

Томясь по вечности нетленной,
Стремясь к волнующей звезде,
Ищу я музыку Вселенной...

В безумном переплётё нитей,
Предвечных нитей бытия,
Во всей превратности событий
Слышна мне музыка... Но чья?²

В. А. Бажанов усматривает в этом соответствие православной установке видеть мир как симфонию, а в музыке – согласие и гармонию мира. Но более ясно, *определённое* об этой интуиции рассуждает в дневниках Блок: «Вначале была музыка. Музыка есть сущность мира. Мир растёт в упругих ритмах. Рост задерживается, чтобы потом “хлынуть”. Таков закон всякой органической жизни на земле – и жизни человека и человечества. Волевые напоры. Рост мира и есть культура. Культура есть музыкальный ритм»³.

Далее, требование слушать и подчиняться музыке у Блока получает ясно различимое социальное наполнение. Поэт пытался разгадать природу стихий, раз-

буженных Революцией. В 1917 г. он всей душой поддержал Октябрь. Васильев же (и это следует из его писем) так же приветствовал приход к власти большевиков. «Музыкальные» фрагменты стихов Н. А. Васильева отчётливо коррелируют с блоковским призывом слушать музыку Революции, со стремлением увидеть, угадать будущую гармонию сквозь порывы февральской выюги и пение революционного патруля (поэма «Двенадцать»). Рассматривая поэтическое творчество как отражение глубинных политико-социальных сдвигов десятилетий *войн и революций*, можно и в этом провести определённую параллель между творчеством Николая Александровича, его позицией по политическим вопросам, составлявшим злобу того неспокойного революционного *дневи*, и взглядами крупных символистов начала XX столетия. Так, в стихотворениях, помещённых в сборник 1902 г., казанский философ беспощадно критикует различные стороны буржуазного общества, показывает его антигуманные черты, а в своей антиковедческой работе, в Послесловии к ней, выражает мечту о будущей мировой гармонии и цитирует при этом стихотворение А. Теннисона [5, с. 237].

Многие символисты были убеждены, что именно в Революции разрозненные порывы XIX столетия обретают целостность и единство, а именно о таком единстве, единении – не только в обществе, но и в природе – рассуждал в стихах казанский мыслитель. В сборнике «Тоска по вечности» Васильев показывает общество современного ему капитализма как общество рабства, дисгармонии и отчуждения. И ему созвучен другой символист – упоминавшийся выше Блок. Цитируя швейцарского социального мыслителя Гонеггера, классик русского символизма усматривает не только антигуманизм, но и антихудожественность в тех социальных отношениях, которые утвердились в цивилизованном мире его времени. В стихах же Васильева, его поэтических описаниях бездушного города прослеживается мысль о враждебном человеку характере того уклада, вершиной

¹ Розанов В. В. Опавшие листья. СПб: Азбука-Аттикус, 2024. С. 320.

² Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 1.

³ Блок А. Дневник А. Блока. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 155.

которого и выступает индустриальный мегаполис. Вызов этому укладу бросает революция. Здесь Васильев развивает тему *города-спрута*, *города-монстра*, где, по словам Брюсова, господствует «бесстыдный стиль модерн». Ведь и Брюсов отдал дань *городской* теме («Я знал тебя, Москва...», «Городу»), а к бельгийскому поэту Верхарну восходят проклятья русских и западноевропейских символистов в отношении побеждавшего в тот период урбанизма и индустриального уклада. Вот касающийся данной темы отрывок из поэмы Н. А. «Рабство», посвящённый отцу учёного – математику А. В. Васильеву:

Точно всадник гигантский, с горящим султаном
Из пылающих искор, во мраке ночном,
Громоздится над серым столичным туманом
Необъятный грохочущий дом.
Это фабрика. Вечно машины грохочут,
Испуская удушливый запах и смрад...

И далее:

Здесь сам Дант почерпнул бы роскошные краски
Для бессмертных и страшных творений своих,
И волшебный рассказ фантастической сказки
Пред действительным мигом бы стих...¹.

Метаморфозы Мировой Души. Вечная женственность и София

Подобно другим представителям символизма, Васильев не мог не коснуться идеи вечной женственности, проходящей сквозь века и страны Мировой Души, неувядающей Софии. Подражанием, а в чём-то и откликом на сквозные сюжеты отечественной и западной поэзии (Блок, Верхарн) можно считать такие стихотворения сборника, как «Леена», «Песнь торжествующей любви», «Мы вместе с тобою стояли в Платоновом мире Идей» и др. Правда, Васильев в своих стихах сквозной женский архетип наделяет чертами протестующего, непокорного начала, вопло-

щающего разрушительные природные и социальные стихии.

Проникаясь настроениями бунтарства накануне первой русской революции, Васильев воспевал и древнюю мятежницу Леену, и противоречивую, мятущуюся Магдалину, и Гиппатию – женщину-философа, растерзанную александрийской толпой, Жанну Д'Арк и Шарлотту Корде, ставших иконами героического сопротивления (*Песнь торжествующей любви*). Такой противоречивый исторический архетип, объединивший силу и слабость, порыв и безмятежность, мог способствовать движению мысли в направлении логики, позволяющей высчитывать предметы, обладающие противоречивыми свойствами. Таков образ вечной женственности в стихах казанского мыслителя:

А ты мне гредишься блуждающей в пространстве,
По безднам мрачной серой пустоты
В венце из слёз, в ликующем убранстве
Любви, добра и красоты...².

Важно отметить, что стихи Васильева – это стихи, созданные очень молодым человеком, лирика, написанная, по всей видимости, в период юношеской влюблённости. Отсюда стихотворения, посвящённые женщине и любви к женщине, в сборнике отнюдь не случайны. Ведь, по меткому выражению литературоведа XX в., любовь к женщине открывает нам божественное видение мира и свою причастность этому миру. Лирические установки поэтов-символистов побуждали в непрерывном поиске именно в женских образах воплощать обретение идеала. Эту мысль высказывали наиболее яркие представители данного литературного направления. В 1902 г. Блок в статье о русской поэзии задавал риторический вопрос: «Не признак ли нашего настоящего в поэзии – особенно сильное и ясное чувство поэтами женственной тени» [12, с. 187]. Правда, своим женским *теньям* казанский философ, как уже отме-

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Каз.: тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 153–154.

² Там же. С. 153–154.

чалось, придавал бунтарские, революционные черты.

Однако сказанным не исчерпываются образы и идеи, нашедшие отражение в поэтических произведениях русского логика. Идея единения противоположностей у мыслителя облечена в стихотворную форму. Васильев пишет о возможности созерцания платоновских идей, где многообразии мира, его свойства сливаются в едином аккорде. Взаимодействие и единство противоположных начал, порождаемая изменением мира неопределённость – вот мысль, которая рефреном звучит в нескольких стихотворениях сборника:

Все постоянное роится
Все бытие – волны игра,
Что страстно хочет испариться
А новость каждая стара¹.

А в другом стихотворении казанским мыслителем описан воображаемый мир, в объектах которого наблюдается совпадение противоречащих свойств, т. е. совпадение оснований для одновременного утверждения и отрицания. Данный фрагмент довольно часто приводят историки отечественной логики, когда обращаются к творчеству Васильева. Иллюстрацией логических идей казанского мыслителя служат следующие стихотворные строки:

Есть мир иной, мир беспечальный
Где всё – единство без конца,
Где каждый атом, близкий, дальний
Лишь части одного кольца.
Там волк покоится с овцою
С невинной жертвою – палач.
Там смех смешался со слезою...².

Таким образом, в ранних поэтических произведениях как неясные контуры находят выражение идеи, которые у Васильева займут центральное место в работах по логике.

Ещё один пример влияния биографии на поэтическое и научное творчество: средневековый схоласт Р. Луллий

Вместе с тем мы не можем предугадать, как факты биографии, события жизни влияют на творческий поиск в различных областях человеческого знания и духовного производства, что может послужить толчком к созданию принципиально новых концепций, подходов, теорий в науке, философии и искусстве. Факты раннего литературного творчества Николая Васильева, его опыт стихосложения и литературной критики дают повод вспомнить биографию другого логика – Р. Луллия. Каталонский учёный-монах тоже начинал поэтом, причём прославился он как сочинитель куртуазных стихов. Был этот учёный блестящим придворным, приближенным правителя о. Майорка. Однажды Луллий прочитал придворной даме посвящённые ей стихи, в которых воспел её внешность, красоту лица и тела. Бывшая предметом луллиева поклонения синьора, выслушав посвящённые ей строки, обнажилась перед ним: кожа её оказалась обезображена следами оспы. Потрясённый, Луллий перестал думать о прекрасных дамах и слагать о них стихи. Он выбрал стезю пилигрима-проповедника и схоласта-учёного. Его «механический компьютер», позволяющий подбирать суждения и делать на их основе умозаключения, стал первым инструментом подобного рода.

В приведённом нами примере видно, каким может быть событие, повлёкшее дальнейшее развитие научного знания и человеческой практики, что может подсказывать, а в других случаях отвращать, направляя в нужное для истории науки русло сознание мыслителя, учёного, религиозного подвижника или технократа-реформатора, не чуждого мистическим озарениям.

Однако не только занятия поэзией сближают Луллия и Васильева. Оба были убеждены, что в любой области знания можно определить небольшое число первопринципов. К ним могут быть сведены все остальные законы, которыми пользуется та

¹ Васильев Н. А. Тоска по вечности: стихотворения. Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1904. С. 138.

² Там же.

или иная область науки. Идея Васильева – редукция всех суждений логики к ограниченному числу очевидных положений – идея средневековая. Луллий, отмечает в данной связи отечественный историк науки Б. В. Бирюков, «исходил из принятого в средневековой схоластике убеждения, согласно которому в каждой области знания имеется небольшое число исходных понятий, с помощью которых выражаются бесспорные, самоочевидные положения, не нуждающиеся в обосновании» [13]. Комбинация суждений с данными понятиями, признаваемых истинными, даёт новое знание, которое в силу соблюдения правил разума и истинности посылок будет тоже истинным.

Заключение

В настоящей статье автором разобраны мотивы поэтического творчества выдающегося отечественного мыслителя – логика и философа начала XX в. Н. А. Васильева. В числе этих мотивов в первую очередь было названо подчинение структур бытия и сознания волевой музыкальной волне, песенному ритму эпохи – ритму, которым озаменовано движение общества и социальных групп по пути прогресса. Отсюда тезис символистов, разделяемый Н. А. Васильевым: *музыка творит мир*. Иллюстрацией этого тезиса можно считать ряд образов в стихотворениях Н. А. Васильева из сборника «Тоска по вечности». В музыкальных ритмах происходит вибрация Души Мира, воплощением которой у поэтов-символистов выступают героини прошлых эпох. В поэзии Васильева – это персонажи древней, средневековой истории и истории Нового времени.

Ещё один сквозной мотив в поэтическом творчестве Васильева – единство противоположных начал. Идея единства противоположностей оригинальна и выделяет Н. А. Васильева среди других поэтов эпохи.

Обращение к содержанию поэтических работ Н. А. Васильева позволило опреде-

лить источник его логико-философского учения. Одна из первых в числе философских систем рационализма – система Б. Спинозы – может рассматриваться как философский прообраз логической неклассичности, в том числе и логической многозначности, систему которой разрабатывал Н. А. Васильев в 1910–20-е гг. Привлекала его также идея единства противоположностей, высказанная Н. Кузанским, Дж. Бруно и Спинозой.

Сопоставление поэтического мировоззрения Васильева, с одной стороны, и выдающихся русских поэтов-символистов, с другой, в предлагаемой работе не было случайным. Особое внимание уделяется мотивам, которые встречаются у Н. А. Васильева, А. А. Блока и В. Я. Брюсова. Эти три поэта и мыслителя воспели в своём творчестве Революцию, выступали за переустройство мира, его преобразование. В работе, посвящённой истории позднеантичного Рима, Васильев даже предложил историософское обоснование такому переустройству. Блок же со своей стороны следование ритмам эпохи связывал со способностью воспринимать некоторую сверхприродную музыку – музыке революции, освобождающую человека от угнетения. Консерватизм и либерализм для автора «Скифов» и «Двенадцати» были неприемлемы в силу их *безмузыкальности*. Васильев и Брюсов вместе создавали картину современного им капиталистического города.

Здесь может быть прослежена ещё одна параллель между Н. А. Васильевым и А. А. Блоком – главным образом их послереволюционными судьбами. Оба мыслителя в своём творчестве выразили идею обновления, а Васильев ещё и наметил пути революционных преобразований в той области знаний, которая не подвергалась пересмотру со времён Аристотеля (в формальной логике). Однако оба сочувствовавших революции мыслителя не смогли продолжить свою деятельность в обновлённой переменах России. Один задыхался от отсутствия необходимой для творчества культурной атмосферы.

Охранной грамотой от репрессий для другого стала душевная болезнь, из-за неё казанский логик не имел возможности адекватно воспринимать изменения после революционных лет, а значит, был неинтересен для карательных органов новой власти.

В статье сделан вывод, что философские откровения, изложенные Николаем Александровичем в стихотворной форме, укоренены в истории отвлечённой мысли. Идеи, находящиеся в основании воображаемой логики и, шире, в основании творческого научного поиска Н. А. Васильева как логика и философа, автор настоящего исследования сопоставляет с фактами жизни средневеко-

вого учёного Р. Луллия. Аналогия между творчеством казанского логика и идеями каталонского схоласта проводится в заключительной части статьи.

В целом можно утверждать, что поэтическое творчество мыслителя принадлежит направлению символизма. Но *символ* как главное средство художественной выразительности авторов данного направления, будучи объектом высокого уровня абстракции, объединяет в себе противоречащие свойства. Такие свойства символа не могли не навести казанского логика на открытие неклассической системы – воображаемой логики, что ещё раз свидетельствует о сложности путей, по которым идёт приращение знаний в науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Н. А. О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключённого четвёртого // Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. С. 12–53.
2. Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение забытой идеи. М.: Реабилитация, 2023. 240 с.
3. Агаркова А. А., Колядов В. А. В предчувствии глобальных перемен: мировоззренческие и художественные прорывы русского Серебряного века // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: материалы научной конференции (Донецк, 27 апреля 2023 г.). Донецк: Цифровая типография, 2023. С. 221–224.
4. Люкмин А. Г. Роль символизма в истории культуры // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: материалы XVII всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 27 октября 2022 г.). М.: Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, 2023. С. 377–383.
5. Васильев Н. А. Вопрос о падении западной Римской империи и античной культуры в свете истории философии // Вестник общества историографии, истории и археологии при Казанском университете. 1920. Вып. 2–3. С. 115–247.
6. Калинин Л. А. Причём тут Кант, или мог бы обойтись без Канта В. Я. Брюсов в своей *Балладе*? // Модели рассуждений. Логика и аргументация: сборник статей. Калининград: Российский государственный университет имени И. Канта, 2023. С. 289–303.
7. Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука-Аттикус, 2024. 331 с.
8. Кузанский Н. Об учёном незнании // Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 47–184.
9. Александров В. Е. Набоков и потусторонность. СПб.: Алетейя, 1999. 314 с.
10. Лапшин И. И. Вселенское чувство. СПб.: Тов. Вольф, 1911. 90 с.
11. Бажанов В. А. Об эвристическом влиянии идей Ч. Пирса на логическое творчество Н. А. Васильева // Проблемы методологии: сборник научных статей, посвящённый памяти проф. В. Н. Борисова. Самара: Самарский университет, 1998. С. 131–136.
12. Горелов А. Проза над соловьиным садом. А. Блок. Л.: Советский писатель, 1970. 512 с.
13. Бирюков Б. В., Тростников В. Н. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. Формализация мышления от античных времён до эпохи кибернетики. М.: Знание, 1985. 192 с.

REFERENCES

1. Vasiliev, N. A. (1989). On particular judgments, on the triangle of opposites, on the law of the excluded fourth. In: Vasiliev, N. A. *Imaginary logic*. Moscow: Nauka Publ., pp. 12–53 (in Russ.).
2. Bazhanov, V. A. (2023). *N. A. Vasiliev and his imaginary logic. Resurrection of a forgotten idea*. Moscow: Rehabilitation Publ. (in Russ.).

3. Agarkova, A. A. & Kolyadov, V. A. (2023). In anticipation of global changes: ideological and artistic breakthroughs of the Russian Silver Age. In: *Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: materials of a scientific conference (Donetsk, April 27, 2023)*. Donetsk: Digital printing house Publ., pp. 221–224 (in Russ.).
4. Lyukmine, A. G. (2022). The Role of Symbolism in the History of Culture. In: *Facets of Culture: Actual Problems of History and Modernity: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific Conference with International Participation (Moscow, October 27, 2022)*. Moscow: V. V. Zhirinovsky University of World Civilizations Publ., pp. 377–383 (in Russ.).
5. Vasiliev, N. A. (1920). The Question of the Fall of the Western Roman Empire and Ancient Culture in Light of the History of Philosophy. In: *Bulletin of the Society of Historiography, History and Archaeology at Kazan University*, 2–3, 115–247 (in Russ.).
6. Kalinnikov, L. A. (2023). What Does Kant Have to Do with It, or Could V. Ya. Bryusov Do Without Kant in His Ballad? In: *Models of Reasoning. Logic and Argumentation*. Kaliningrad: I. Kant State University of Russia Publ., pp. 289–303 (in Russ.).
7. Spinoza, B. (2024). *Ethics*. St. Petersburg: Azbuka-Attikkus Publ. (in Russ.).
8. Kuzansky, N. (1979). On Learned Ignorance. In: Kuzansky, N. *Works. Vol. 1*. Moscow: Mysl Publ., pp. 47–184 (in Russ.).
9. Aleksandrov, V. E. (1999). *Nabokov and the Otherworld*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
10. Lapshin, I. I. (1911). *Universal Feeling*. St. Petersburg: Comrade Wolf Publ. (in Russ.).
11. Bazhanov, V. A. (1998). On the heuristic influence of Charles Peirce's ideas on the logical creativity of N. A. Vasiliev. In: *Problems of methodology: a collection of scientific articles dedicated to the memory of prof. V. N. Borisov*. Samara: Samara University Publ., pp. 131–136 (in Russ.).
12. Gorelov, A. (1970). *Thunderstorm over the Nightingale Garden*. A. Blok. Leningrad: Sovetsky pisatel Publ. (in Russ.).
13. Biryukov, B. V. & Trostnikov, V. N. (1985). *The heat of cold numbers and the pathos of dispassionate logic. Formalization of thinking from ancient times to the era of cybernetics*. Moscow: Znanie Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прядко Игорь Петрович (г. Москва) – кандидат культурологии, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и технологий Национального исследовательского Московского государственного строительного университета; доцент кафедры национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму Российского государственного социального университета;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor P. Pryadko (Moscow) – Cand. Sci. (Cultural Sci.), Prof., Department of Social sciences, Humanities and Technologies Moscow State University of Civil Engineering; Assoc. Prof., Department of National Security, Counteraction to Extremism and Terrorism, Russian State Social University;
e-mail: priadcko.igor2011@yandex.ru